

Глава I

ОБЩИЕ ОСНОВЫ ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКОГО ЭПОСА

Ввиду отмеченной специфики вайнахского эпоса, а именно: его непосредственной близости с жизнью, бытом и мировоззрением народа в родовую эпоху — считаем важным в данной главе познакомить читателя с некоторыми этнографическими материалами, имеющими прямое отношение к героическим сказаниям. Помимо характеристики общественного устройства чеченцев и ингушей, отраженного в эпосе, с нашей точки зрения, заслуживают внимания и народные предания о происхождении и расселении (вайнахских) племен; предания эти особенно любопытны со стороны эпической интерпретации родоначальников, изображаемых в народе в героико-богатырском виде.

В древнем многокомплексном эпосе чеченцев и ингушей отразились и религиозные языческие представления народа, и его мифология, на чем мы тоже считаем важным остановиться в настоящей главе.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАССЕЛЕНИЕ ВАЙНАХСКИХ ПЛЕМЕН

В исторической, археологической, филологической науках издавна сложилось мнение, что вайнахи представляют единый по своему происхождению и языкам национальный массив. Это же доказывали и советские исследователи. О родственном происхождении чеченского и ингушского языков писали П. К. Услар¹, М. Я. Немировский², З. Мальсагов³, Д. Мальсагов⁴, Н. Ф. Яковлев⁵, А. Г. Мациев⁶, Ю. Д. Дешериев⁷ и др. З. Мальсагов называет ингушко-чеченский язык «нахским», т. е. народным, так как ингуши и чеченцы называют себя «вайнахами», т. е. «наш народ». Н. Ф. Яковлев писал: «Чеченцы и ингуши, разговаривая каждый на своем материнском наречий, без всяких затруднений понимают друг друга. Такую близость мы видим и в других проявлениях национальной культуры чеченцев и ингушей». Он ставит вопрос о том, происходят ли чеченцы и ингуши от двух первоначально совершенно различных и по языку и по расе народов или они являются лишь «культурными вариациями одной и той же национальной массы?» Ученый отвечает совершенно определенно, утверждая, что ингуши и чеченцы, их культура и язык, несомненно, происходят «из одного и того же культурно-исторического

¹ П. К. Услар. Этнография Кавказа. Языкознание, вып. II (Чеченский язык). Тифлис, 1888.

² М. Я. Немировский. К научной постановке исследования чеченской группы северокавказских языков — ИИНИИК, вып. II и III, Владикавказ, 1930.

³ З. Мальсагов. Культурная работа в Чечне и Ингушетии в связи с унификацией алфавитов. — «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исслед. ин-та», т. 1. Ростов-на-Дону, 1928; он же. К вопросу о классных элементах в нахском языке, — ИИНИИК, вып. II и III.

⁴ Д. Мальсагов. Чечено-ингушская диалектология и пути создания единого литературного языка. Грозный, 1941.

⁵ Н. Ф. Яковлев. Ингуши. М., 1925; он же. К вопросу об общем наименовании родственных народов. — «Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исслед. ин-та», т. 1.

⁶ А. Г. Мациев. Чечено-русский словарь. Предисловие. М., 1961.

⁷ Ю. Д. Дешериев. Бацбийский язык. М.— Л., 1953; он же. Современный чеченский литературный язык, ч. I. Фонетика. Грозный, 1960; он же. Сравнительная историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. Грозный, 1963.

источника»⁸.

Ю. Дешериев в своем исследовании, посвященном проблемам сравнительно-исторического изучения грамматики нахских языков и происхождению горских кавказских народов, пишет: «Чеченский, ингушский и бацбийский языки восходят к той ветви горских языков, которая занимала промежуточное положение между дагестанскими и абхазо-адыгскими языками. Предшественники чеченцев, ингушей и бацбийцев, язык которых относился к ветви, занимавшей промежуточное положение между дагестанскими и абхазскими языками, имели и территорию, расположенную между районами расселения дагестанских и абхазо-адыгских племен»⁹. В другом случае Ю. Дешериев делает еще более определенный вывод: «Доказано, что чеченцы, ингуши и бацбийцы родственны между собой, что они произошли от одного и того же народа, племени, от одного и того же пранарода — нахского народа»¹⁰. Б. Далгат в своих трудах, посвященных чеченцам и ингушам, исходит из этнографического представления о них как о «едином племени». Ученый при этом ссылается на то, что чеченцы и ингуши называют друг друга братьями, считая себя одного происхождения, одним народом¹¹.

В «Географии» Страбона в I в. н. э. имеется упоминание о каком-то народе под названием «гаргарей», живущем в северо-восточной части Кавказа. По мнению Е. И. Крупнова¹², гаргары — предки ингушей. У Ю. Дешериева слово «гаргара», «гергара» на ингушском и чеченском языках означает «соседний», «близкий», «родственный»¹³. У Страбона называются «хамекиты» и «исадики». В. Б. Виноградов высказывает предположение о том, что они являются предками вайнахов¹⁴. У Плиния (24—79 гг. н. э.) говорится о двалах, которые тоже обитали на Кавказе. Вслед за В. Гамрекели¹⁵ Ю. Дешериев относит двалов «к наиболее вероятным предшественникам нахских племен». При этом автор делает интересный лингвистический анализ самого слова «двал», находя его аналогию в современных нахских языках, где известно слово «дал». Дал — Дал(а) у нахов считался «верховным богом солнца и неба». Слово «далуо//далов» в этом случае будет означать: тот, кто происходит от дал, дети дал-а¹⁶. В «Географии» М. Хоренского упоминаются «кúсты» — «кисты», а также «нахчаматеанк». Г. К. Мартиросиан¹⁷ слово «кусты» толкует как «кисты». Вместе с тем известно, что в Нагорной Ингушетии до недавнего времени существовало Кистинское общество. Мартиросиан обращает внимание и на то, что кисты как жители Кавказа называются и древнегреческим географом Птоломеем. Относительно названия «нахчаматеанк» Ю. Дешериев путем глубокого лингвистического анализа показывает, что здесь тоже идет речь о предках вайнахских племен. Слову

⁸ Н. Ф. Яковлев. К вопросу об общем наименовании родственных народов, стр. 195—197.

⁹ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 56.

¹⁰ Там же, стр. 78.

¹¹ Б. К. Далгат. Родовой быт чеченцев к ингушей в прошлом.— НИИИ, т. IV, 1934, стр. 6, 7.

¹² Е. И. Крупнов. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1961, стр. 42.

¹³ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 38.

¹⁴ В. Б. Виноградов. Тайны минувших времен. М., «Наука», 1966, стр. 122—123.

¹⁵ В. Гамрекели. О племени двалов.— Сб. «Материалы по этнографии Грузии», вып. IX. Тбилиси, 1957, стр. 196.

¹⁶ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 56.

¹⁷ Г. К. Мартиросиан. Нагорная Ингушетия — ИИНИИК, вып. I. 1929, стр. 32—34.

«нахчаматеанк» ученый находит аналогию в современном чеченском языке, где оно бытует в форме «нохчо» (нохчуо) — чеченец, «нохчий» (нохчи) — чеченцы¹⁸.

Все приведенные и другие данные свидетельствуют о том, что вайнахские племена были одними из ранних обитателей примерно тех же районов Северного Кавказа, где они проживают и теперь. Установлено, что вайнахские племена были одними из наиболее ранних обитателей Кавказских гор и ущелий, хотя точных исторических данных о времени их водворения в горы пока что не имеется. Местами первых поселений вайнахских племен считаются Верховья Аргуна и Ассы.

Б. Далгат считает вполне вероятным, что вайнахские племена были оттеснены в горы в период так называемого великого переселения народов под напором различных пришельцев¹⁹. Ю. Дешериев в свою очередь фиксирует внимание на том, что, по данным археологии, древнейшим памятником, характеризующим первобытнообщинный строй на территории Чечено-Ингушетии, является энеолитическое поселение у сел. Мужичи (Луговое) в Ассинском ущелье. Археологи относят его к третьему тысячелетию до н. э. Этот памятник показывает, что местные племена вели оседлый образ жизни в период перехода от камня к металлу²⁰.

Ю. Дешериев высказывает интересные соображения о заселении вайнахами гор: «В силу каких-то исторических событий предки чечено-ингушского народа были загнаны, по-видимому, в Джераховское, Ассинское ущелья, высокогорный Галанчожский район. Из этих мест они стали постепенно переселяться»²¹. Дешериев считает, что основа чеченской народности, по-видимому, была заложена в местах Галанчожского района. Базой ингушской народности, очевидно, явились Джераховское и Ассинское ущелья. В данном случае, нельзя не вспомнить мнения Н. Ф. Яковлева, высказанного ученым по поводу центра культуры ингушей и чеченцев в прошлом. Таковым Н. Яковлев считал «культурно-религиозный центр, сложившийся в IX веке в Ассинском ущелье (в Нагорной Ингушетии) под несомненным воздействием культуры Абхазо-Грузинского царства». Ставя вопрос о том, когда же чеченцы сложились в национальность, Яковлев пишет: «Со второй половины XVI века начинается эмиграция ингушских племен из Нагорной полосы на теперешнюю чеченскую плоскость. Многочисленные нагорные племена из Нашаха, с верховьев Аргуна и из Чаберлоя вновь перемешались на плоскости, подпали под влияние соседних плоскостных культур (русской, кабардинской, ногайской, кумыцкой и калмыцкой) и дали в результате новую культурную область с новыми центрами, в которых сформировались новая культура и новый язык — чеченский. Таким образом, чеченцы и ингуши создались в общем из одних и тех же национальных элементов, но группировавшихся вокруг разных культурных центров, в разные эпохи и смешавшихся в разных пропорциях»²². Яковлев приходит к выводу, что в прошлом нет решительно никаких предпосылок, которые оправдали бы обособление ингушской к чеченской культуры и языка.

Ущелье Галгачуэ (Ассинское) как центр древней культуры вайнахов

¹⁸ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 25.

¹⁹ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 16.

²⁰ Ю. Д. Дешериев. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков..., стр. 68.

²¹ Там же, стр. 73.

²² Н. Ф. Яковлев. К вопросу об общем наименовании родственных народов, стр. 197—198.

называется и арабскими писателями — IX-X вв.²³. В прошлом вайнахи занимали горную полосу Северного Кавказа от снежных гор Передового хребта до равнины и часть плоскости между реками Терек и Сулак.

Историкам и географам XVIII и первой половины XIX в. были известны названия: ингушей, чеченцев, кистов, джераховцев, карабулаков, мизджегов, галгайцев и др., которыми обозначались отдельные горные общества²⁴ вайнахского племени.

В довольно длительный период жизни чеченцев и ингушей в горах у них не было общеплеменного названия²⁵. Оно появилось позже, когда началось переселение чеченских и ингушских обществ с гор на плоскости. Понятие «собственно чеченцы» включало жителей Восточной Чечни, кроме ингушей. Слово «чеченец» стало известно только с начала XVIII столетия и происходит от названия аула в плоскостной Чечне — Большой Чечень. Слово «ингуши» производилось от названия долины Ангуш (Тарская), куда стали выселяться из гор первые ингуши.

В период заселения плоскости чеченцам приходилось сталкиваться с кумыкскими и кабардинскими феодалами. Кумыки завладели Качкалыком и частью Большой Чечни; кабардинцы — левым берегом Сунжи и частью Малой Чечни (горы в Малой Чечне до сих пор называются Черкесскими). Постепенно чеченцы оттесняют кумыкских и кабардинских феодальных завоевателей и занимают всю Малую и Большую Чечню до реки Сунжи. На плоскости чеченцы построили большие аулы, такие, как Чечень-аул, Герменчик, Майр-Туп, Гехи. Этим аулам уже не дают патронимических названий, их заменяют названия, заимствованные от рек, гор и местности. Жителей Большой Чечни называли «аргунал дихъара нах», т. е. зааргунский народ; жителей Малой Чечни — «гехихой», т. е. живущие при реке Гехи, и т. д. Такие крупные аулы, как Верхний и Нижний Наур²⁶, основаны чеченцами между реками Сунжей и Тереком после столкновения с русскими в 1783 г., куда чеченцы ушли на левый берег Сунжи.

У чеченцев и ингушей сохранились народные предания о происхождении и расселении отдельных обществ и даже отдельных фамилий и родов. Предания эти, помимо всего прочего, представляют определенный интерес с точки зрения «исторического обоснования» героического эпоса чеченцев и ингушей.

В них часто фигурируют легендарные родоначальники, которые изображаются могучими богатырями эпического склада. Тот или иной легендарный родоначальник выбирал себе определенную территорию, занимал ее и вместе со своей дружиной отстаивал ее мечом от себе подобных. Древнейшими местами поселения чеченцев считаются Маасты и плоскогорье Нашах, и верховьях Чанти-Аргуна, Мартана, Гехи, Фортанги, Ассы.

Предания чеченцев упоминают трех братьев: Га, Ахо (или Аго) и Шото, которые будто были родоначальниками всего чеченского племени²⁷. От трех братьев Аго, Шото и Га образовались три общества: Галгай, Аго и Шото;

²³ Н. А. Караулов. Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане.— СМОМПК, вып. XXXI, 1902, стр. 41, 57; вып. XXXVIII, 1908, стр. 78.

²⁴ Весь вайнахский народ в прошлом делился на «общества». Общества состояли из нескольких селений и большую часть включили совершенно чуждые друг другу фамилии и роды.

²⁵ ССТО, вып. I, 1878, стр. 242 и др.

²⁶ Эти аулы, как будет видно, упоминаются и в нартских сказаниях чеченцев.

²⁷ «Га» считается одним из триады древнегрузинский богов — Армази, Гази, Га, которые, по грузинской мифологии, находились на вершине горы Армазис. «Га» в ингушском языке имеет другое понятие.

первое — в верховьях Ассы, второе — и верховьях Гехи, третье — в верховьях Чанти-Аргуна и Шаро-Аргуна, притоков Сунжи. От этих трех обществ путем естественного роста и присоединения новых пришельцев образовались все остальные общества чеченцев, расселившихся па восток, север и запад. Все названия — Шото, Аго, Га²⁸ (Галгай) — были именами предводителей, родоначальников-пришельцев; свое имя они переносят и на занятую территорию.

По другому чеченскому преданию, «некий акинец, по имени Арштхоо, выселившись из своего общества [горного Акинского общества] и спустившись с своим родом в Бамутское ущелье, основался у источников, называемых Черными Ключами [по-кумыкски — Карабулак]. От населения, основанного здесь Арштхоо, образовалось особое общество, называвшее себя... Лрштхой»²⁹.

У. Лаудаев записал предание о Шатсевском обществе, Шатоевцы проживали и в верховьях Чанти и Шаро-Аргуна, по соседству с тушинами. К шатоевцам стали присоединяться многочисленные выходцы из Грузии, Аварии (Андии), Хевсуретии, Тушетии, греки и даже персияне — остатки войска Надир-Шаха, разбитого дагестанскими горцами и 1741 г.³⁰

О преданиях ингушей Л. П. Семенов пишет, что основная версия их сводится к тому, что древнейшим местом поселения ингушей в пределах их области является ущелье Галгачуэ с сел. Эгикал, Хамхи, Таргим³¹ и др.

Родоначальником Джераховского общества считался Джерахмат, который якобы прибыл из Персии. О нем рассказывают, что он с незапамятных времен поселился в ущелье, по обеим сторонам реки Армхи. С ним было 100 человек дружины. Спустя некоторое время после этого переселения в Джераховское ущелье начали приходить другие переселенцы, Джераховское ущелье названо по имени родоначальника Джерахмата.

По преданиям, зафиксированным Г. К. Мартиросианом³², предка галгайцев звали «Га»; у него было двое сыновей ПалгГа и Габертэ (кабардинец). ПалгГа (Га) вышел из ущелья Геши Аргунского округа и, поселившись в Галгачуэ, основал Галгаевское общество, а Габертэ переселился в Кабарду, где основал Кабардинское общество. Впоследствии, когда и горах стало тесно, галгайцы начали выселяться на Тарскую долину, где будто бы построили 60 башен для обороны против кабардинцев, чеченцев и осетин. Отсюда они потом переселились в Назрань.

Н. Ф. Яковлев записал интересное предание о происхождении ингушей от богатыря Турпала³³. Несмотря па то, что это предание носит явные следы мусульманства, распространившегося у ингушей только в XVIII—XIX вв., в его сюжете и образах совершенно очевидны древние эпические черты. Здесь рассказывается о том, что был человек но имени Турпал, что значит богатырь. Происходил он из Аравии. Этот человек мог спать в продолжение недели, а затем неделю бодрствовать. Он достиг страны ингушей и углубился в горы. В те времена ни зверь, ни птица — никто не жил еще в диких горах. Здесь он и

²⁸ ССТО, вып. I, стр. 241 —242; А. П. Берже. Чечня и чеченцы.— «Кавказский календарь». Тифлис, 1859, стр. 134—135.

²⁹ ССТО, вып. I, стр. 244.

³⁰ У. Лаудаев. Чеченское племя.— ССКГ, выш. VI, 1872, стр. 5. 10.

³¹ Л. П. Семенов. Археологические и этнографические розыскания в Ингуши в 1928 и 1929 гг.— ИИНИИК. вып. II-III, 1930, стр. 391.

³² Г. К. Мартиросиан. Указ. соч., стр. 35.

³³ Предание о Турпале известно и чеченцам.

поселился в пещере и завел скот и овец³⁴.

У Яковлева интересно и другое предание — о Пхагал Бяри, личности уже в полном смысле эпической, так как этот прототип, как мы увидим далее, прочно вошел в эпос. Здесь сообщается о том, что ингуши жили в Галгаевском ущелье испокон века: «Поперек ущелья была сделана каменная стена, и стояла их стража у единственного входа. Без разрешения часовых никто не мог ни войти, ни выйти. Начальником у входа был некий Пхагал Бярий»³⁵.

Много интересных преданий о галгайцах записал и Б. Далгат³⁶ у столетнего сказителя Газбыка Газневича Хабиева-Буржаева³⁷, жителя селения Арзи, и другого знатока ингушского фольклора — 60-летнего Ганыжа Абиевича Келигова-Фалханова, жителя селения Фалхан.

По рассказам сказителя Ганыжа, некогда жили три брата: Га, Орштхо (Арштхо) и Нахчо, от которых произошли все галгайцы, орстхойцы и нохчи. В представлении ингушей указанные три брата прибыли с востока и поселились в месте Галга — и отсюда уже расселялись по всей чеченской и ингушской земле. Орстхойцы поселились в Датихском ущелье Галгаевского общества по течению реки Асса, возле горы Квирилам (Сокол-гора). Га остался жить в Галгае и дал стране свое имя. Нахчо отправился в Нахчи, т. е. в Чечню. В ауле Датих первыми из потомков Арштхо были Дзаг Арштхоев и двоюродный брат его Чопа, сын Борага. Этот эпоним, как мы увидим, вошел и в богатырский эпос. Б. Далгат пишет, что «Чопа Борган считается у ингушей героем и даже святым»³⁸.

Он приводит о нем следующий любопытный рассказ (больше бытового, чем эпического, характера): «Однажды Дзаг и Чопа поссорились между собой и стали стрелять из своих башен друг в друга [у них были луки и ружья]. В это время жена Дзага пошла с кувшином за водой и возвращалась домой. Чопа увидел ее и говорит своей жене: «Скажи, что мне делать — убить саму женщину или сквозь прострелить кувшин с водой?». Жена ответила: «Если ты убьешь женщину, то через тебя будет стыдно [позор] и потомкам твоим, и ты прославишься как убийца снохи». Тогда Чопа прострелил кувшин. Жена Дзага с плачем пришла к мужу. К вечеру того же дня вышла жена Чопа с маленьким сосудом подоить корову. Дзаг увидел ее и спросил жену свою: «Прострелить корову, женщину или ведерко?» Та ответила: «Чопа стреляет не хуже тебя, и если бы захотел убить меня, то легко мог бы это сделать, а потому ты не стреляй в корову и женщину, а прострели ведерко». Дзаг так и сделал. Оба брата, видя, что друг у друга они ничего не возьмут, так как оба одинаковы по силе, храбрости и ловкости, примирились и стали жить в ладу»³⁹.

Арштхин начали расселяться по ущелью реки Асса и образовывали много селений по ее течению до самого Аки-Юрта на плоскости. Там их стали называть русские и кумыки карабулаками. Цоринцы, по народным преданиям ингушей, произошли от выходцев из Датиха, Галгаевского общества.

Одно из преданий о переселении из Галгая и Цори представляет интерес эпической трактовкой темы. Последняя совершенно очевидна из самого

³⁴ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, стр. 39—41.

³⁵ Там же, стр. 103.

³⁶ Б. Далгат. Указ, соч., стр. 20 (в некоторых случаях нами используется рукопись).

³⁷ О нем. см. на стр. 451 данной книги.

³⁸ Б. Далгат. Указ, соч., стр. 22.

³⁹ Там же.

рассказа: «В селении Тумги Галгаевского общества... находится два каменных столба; это памятники, поставленные жителями предкам их — Гую и его брату Цикме. Гуй, говорят, был двуротый: одни рот спереди, а другой сзади (мясо ел он передним ртом, а суп — задним; в передний рот он брал мясо с костями, а в задний выбрасывал кости); зараз он съедал целого быка. Когда он кричал, то его слышали из Хамхинского общества в Джераховском, через горы и леса; роста был огромного, богатырского» (могила его, по уверению сказителя, имеет 5—6 сажень длины).

Само переселение Цикмы в Цори произошло, по преданию, по следующим причинам. Однажды Цикма, рассердившись на брата Гуя, повез его в Тифлис и там передал его о руки князей, которые заковали его в цепи. Но Гуй одним движением разорвал цепи и возвратился домой. На пути и родине, верст за 20 от Галгая, из Мецхальского общества, он крикнул брату: «Смотри, берегись, брат, я иду! Не попадайся мне на глаза!» Цикма, услышав грозный голос Гуя, бежал в Цори. Гуй остался жить в Тумги один; его потомки и по сей час живут в Тумги⁴⁰. Совершенно очевидно, что родоначальник Гуй изображен подлинным эпическим богатырем. Такова же богатырская природа и у другого родоначальника — Орцха Карцхал Малсага: «Сам он был богатырь: руками крутил мельничное колесо и, наложив путы ни коня, одни поднимал его с земли»⁴¹. Переселение в горах из одного общества в другое и прошлые времена шло непрерывно. Оно сопровождалось порою раздорами и столкновениями между разными родами и даже однофамильцами. Подобные события не могли не отразиться и в героических сказаниях вайнахов.

Предания о древних насельниках гор и их расселении способствуют выяснению многих сторон их эпического творчества. Из этих народных произведений можно почерпнуть некоторые данные исторического характера, так или иначе воспроизведенные в эпосе, уловить общее и особенное в самих сказаниях чеченцев и ингушей как таковых. Можно установить факторы воздействия па эти сказания эпических культур соседних народов, в особенности осетин, кабардинцев, кумыков, что является несомненным историческим фактом.

Теперь считаем важным охарактеризовать вкратце тот общественный строй, который в значительной мере запечатлелся в вайнахском эпосе. По твердо установившемуся в науке мнению, ингуши и чеченцы на протяжении длительного исторического периода жили родовым строем. Родовую организацию чеченцев, ингушей, карабулаков, кистов и других вайнахских племен еще в XVIII столетии фиксировали такие ученые, как И. А. Гильденштедт⁴², Г. Георги⁴³, Я. Потоцкий⁴⁴, Ю. Клапрот⁴⁵, С. Броневский⁴⁶, Ж. Поли⁴⁷ и др.

⁴⁰ Б. Далгат. Указ. соч., стр. 21.

⁴¹ Н. Ф. Яковлев. Ингуши, стр. 25.

⁴² «Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа. Из путешествия г-на академика И. А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам и 1770, 1771, 1772 и 1773 гг. Издано по повелению императорской Академии наук». СПб., 1809, стр. 77, 83, 87.

⁴³ «Описание всех в Российском государств обитающих народов». СПб., 1799, перевод с немецкого издания 1776 г. «Готлиб-Георги», ч. II, стр. 46, 58 к др.

⁴⁴ «Voyage dans les steppes d'Astrakhan et du Caucase», vol. II, ch. VIII — XVI. Jean Potocki, publ. I. Klaproth. Paris, 1829.

⁴⁵ «Voyage au mont Caucase et en Géorgie. 1807 an., I. von Klaproth», vol. I Paris, 1823, p. 399, 400, 400 etc.

⁴⁶ «Новейшие географические и исторические известии о Кавказе, собранные и дополненные С. Броневским», ч. 2. М. 1823. стр. 151—186.

⁴⁷ «Description ethnographique des peuples de la Russie», par J. de Pauly, SPb. 1862; J. de Pauly.

И. Дубровин пишет, например, что до Шамиля в Чечне не было общего управления, здесь господствовали родовые порядки. Весь народ делился на общества, состоящие из родов⁴⁸.

Более обстоятельно родовая организация чеченцев и ингушей была изучена М. Ковалевским⁴⁹ и Б. Далгатом⁵⁰. Ф. Энгельс в своем труде «Происхождении семьи, частной собственности и государства» рассматривал «родовые учреждения», существующие у некоторых культурно отсталых народов, «в более или менее чистой форме, или их следы и древней истории азиатских культурных пародов»⁵¹. Он фиксировал внимание и на описании рода различных кавказских племен у М. Ковалевского.

Энгельс еще в 30-х годах прошлого столетия подчеркивал «живучесть унаследованного родового инстинкта» у многих европейских народов. «Я снова живо осознал,— писал он об Ирландии,— как глубоко еще сельское население живет там представлениями родовой эпохи»⁵². В своем труде Энгельс указывал на ту положительную роль, какую сыграл родовой строй в жизни германцев, ирландцев и других европейских народов в борьбе крестьян в средние века с угнетателями феодалами, так как сельская община (марка) дала крестьянам территориальную сплоченность и средства сопротивления⁵³.

Многое из того, что писал Энгельс о пережитках родового строя у разных народов, можно сказать о чеченцах и ингушах, на которых родовой быт наложил значительный отпечаток и проявился в их духовном складе, в характерах, нравах и общественных учреждениях. Изучение памятников духовной культуры чеченцев и ингушей — их первобытной религии, мифологии, предании и сказании, относящихся к древней эпохе, — убеждает в наличии непосредственной связи с тем общественным, в данном случае родовым, устройством, которое было характерно для них на протяжении длительного исторического периода.

Предания о родоначальниках, как мы видели, носят следы родовой организации. М. Ковалевский считал, что «мифическое представление об общем предке» есть одни из главных признаков родового устройства в эпоху полного сложения агнатических родов⁵⁴.

В эпических сказаниях чеченцев и ингушей наблюдается совокупность многих характерных признаков родового быта. Здесь в значительной степени отразилась и народная нравственность, выработанная в условиях родового строя. В этой связи считаем необходимым воссоздать общую картину родового быта чеченцев и ингушей в их прошлой жизни.

По утверждению многих знатоков общественного строя чеченцев и ингушей, родовые порядки имели место одинаково у всего чеченского племени. Б. Далгат указывает на то, что чеченские общества состояли из тайп и гааров. Тайпа могла быть небольшой, как род или большая семья, но могла включать и несколько

Peuples du Caucase.—ЖМНП, вып. XI, 1881. стр. 39—50.

⁴⁸ И. Дубровин. История войны и владычества русских на Кавказе, т. I. СПб., 1871. стр. 455.

⁴⁹ М. Ковалевский. Современный обычай и древний закон. М., 1886; *он же*. Закон и обычай на Кавказе, тт. I и II. М., 1890.

⁵⁰ Б. Далгат. Материалы по обычному праву ингушей.—ИИНИИК. вып. 2, 1930; *он же*. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом.—ИИНИИ, вып. 4, 1934; *он же*. Первобытная религия чеченцев.—ТС, вып. 3, 1893..

⁵¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избр. произведения, т. II. М., 1955, стр. 268

⁵² Там же, стр. 271.

⁵³ Там же, стр. 286, 290.

⁵⁴ М. Ковалевский. Закон и обычай на Кавказе. т. I, стр. 47, 51.

родов; все члены тайпы назывались «вежерий», «воша», а целая связь называлась «вошалла», или братство. Тайпы имели однофамильное патронимическое название по имени общего родоначальника.

То же самое наблюдалось и у горных ингушей. Каждый род имел особого главу, старейшину, или родового начальника, который признавался всеми дворами, входящими в род; общие дела всей тайпы решались советом старейшин, в котором участие женщин исключалось. Родовые старейшины у всех чеченцев и ингушей были старшими по летам или выдающимися личностями. Родовой старейшина играл в жизни рода значительную роль. Вместе с тем он имел власть только нравственного характера и как *princeps gentis* был *primus inter pares* — первым среди равных и не имел никаких особых прав или привилегий сравнительно с прочими родичами. Ему только всегда оказывали почет и уважение и считались с его мнением. Родовой старейшина, или родовый начальник, был у целого рода один, между тем как о каждом дворе и в большой семье были и дворовые старейшины. Глава рода действовал в общем согласии с дворовыми старейшинами, образующими родовой сход.

Б. Далгат отмечает, что и у осетин рядом с дворовыми старейшинами, образующими в совокупности родовую совет, или *нихас* (запечатленный в их нартском эпосе), существует еще и родовый старейшина; то же наблюдается у балкарцев, черкесов, сванов и т. д.⁵⁵ Род у чеченцев и ингушей был агнатическим и экзогамным, запрещающим внутриродовые браки. Все члены рода считали себя происходящими от одного легендарного предка.

Б. Далгат считает, что «как нельзя обобщать явления искусственного происхождения чеченских родов (у М. Ковалевского), так нельзя утверждать, что существование рода было непременно связано с фактом происхождения всех его членов от общего родоначальника, так как в числе родичей могут оказаться (но не всегда бывают) и принятые и род чужеродцы»⁵⁶.

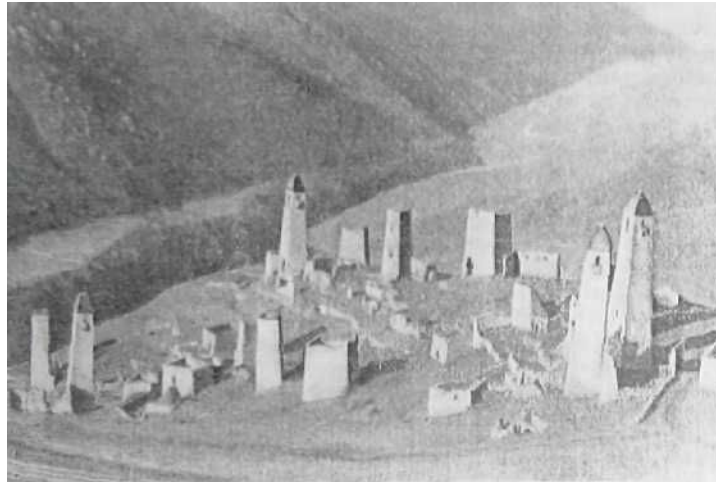
Селение Таргим

Внутри тайпы — братства и рода существовали единство и незыблемость родовых отношений для каждого сородича, тесная солидарность, круговая порука, помощь в брачных и иных делах (траур тайны и случае смерти ее члена), соприсяжничество на суде друг за друга, брачные запреты в пределах тайпы и кровная месть, обязательная для всех членов потерпевшей тайпы. Связь между членами тайпы значительно ослабевала со временем, что было вызвано

⁵⁵ Б. К. Далгат. Родовой быт чеченцев и ингушей в прошлом, стр. 54.

⁵⁶ Там же, стр. 93.

расселением однофамильцев по причине земельной тесноты и естественного роста населения. Вяры— это «настоящие роды со старшим по главе»,— пишет Б. Далгат⁵⁷. Жили они в одной родовой башне или в нескольких башнях, скученно, друг возле друга. У них был общий родовой котел, и которым в торжественных случаях варили пиво; у них имелась и общая родовая башня — «Вюв». Ладо сказать, что все нартские сюжеты героического эпоса чеченцев и ингушей постоянно предполагают наличие пещер и башен.

Башенный ансамбль селения Эрзи (раньше было 16 боевых и множество жилых башен; теперь целых осталось около трети)

Что же представляли собой эти башни? По описанию многих исследователей — Н. Грабовского⁵⁸, И. П. Щеблыкина⁵⁹, Б. Далгата⁶⁰ и др., в Чечено-Ингушетии встречаются пирамидальные высокие башни, до 25—27 метров, выстроенные неизвестно когда на недоступных возвышенных местах. Это башни стратегические, по-чеченски их называют «Бав», по-ингушски «Вюв». Такую башню имел каждый сильный род. Вокруг стратегической башни группировались жилые башни. Они носят название «Галуан» по-чеченски и «Пала» — у ингушей. Эти башни имеют три этажа. В нижнем помещался скот, а в верхних этажах— жилые комнаты для членов рода. Непременным принадлежностью рода являлся очаг посредине комнаты, и которым постоянно горел огонь и над которым висел котел на священной цепи. По свидетельству многих исследователей, общественное и нравственное значение культа домашнего очага было чрезвычайно велико. Домашний очаг, сосредоточивая вокруг себя членов семьи, имел организующее значение; культ его освящал власть главы семьи. Он делал невозможной месть за смерть родственника родственнику и налагал священную обязанность мести чужеродцу за каждую каплю крови члена семьи и рода. Иной раз одна башня заключала в себе весь род, по более или менее значительный род имел несколько башен, населенных однофамильцами, группировавшимися вокруг военной башни. В башнях, по преданиям, постоянно одна фамилия оборонялась от другой во время

⁵⁷ Там же, стр. 43.

⁵⁸ «Терские ведомости», 1868. № 95—97.

⁵⁹ И. П. Щеблыкин. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры.— ИИНИИК, вып. I, 1928, стр. 289.

⁶⁰ Б. Далгат. Родовой быт чеченцев и ингушей а прошлом, стр. 35—36.

междоусобиц и кронных столкновений.

Все исследователи и знатоки жизни чеченцев и ингушей — У. Лаудаев, Ч. Ахриев, Б. Далгат, Н. Якорлев и др.— говорят, что различные общество часто представляли неродственные и враждебные друг другу группы. Существовали раздоры не только между фамилиями, но и между родами. Акинцы (от которых, по преданиям, произошли арштхойцы — карабулакн)⁶¹ считались самым воинственным, непокорным народом. Вражда обществ и фамилии, как мы увидим далее, запечатлялась и в эпосе чеченцев и ингушей, где набеги и межродовые раздоры занимают определенное место. Родовой быт чеченцев и ингушей сказался на их мировоззрении, нравственных нормах поведения, религиозных представлениях, народной мифологии.

ДРЕВНЯЯ РЕЛИГИЯ И МИФОЛОГИЯ

В древнем эпосе чеченцев и ингушей отразились религиозные и мифологические представления народа. В этом смысле многие сказания служат иллюстрацией народного мировоззрения, народной этики, философии, поэтического воображения. Поэтическая картина одухотворенной природы, представление о богах и духах, олицетворяющих силы и явления природы, запечатлелись во многих народных мифах.

В древние времена ингуши обоготворяли блестящую конусообразную вершину Казбека. В их глазах эта высочайшая вершина Кавказа являлась местопребыванием богини вьюг — Дардза-нянильг (буквально Мать вьюг). Инженер Висковатов, работавший на Казбеке во время завалов 1864 г. и соприкасавшийся с ингушами из аула Гвелеты, жившими недалеко от станции Казбек, в своей интересной заметке об ингушах⁶² называет Мать вьюг горным духом, или Мягкинен.

Б. Далгат в работе «Первобытная религия чеченцев»⁶³, объясним слово Мягкинеи по аналогии с Химихкинен, употребляемое в значении Мать вод, отдает предпочтение наименованию Дардза-нянильг. В представлении вайнахов Мать вьюг имела семерых сыновей, которые покинули ее и ушли на небо; это Большая медведица—Дардза-Къонгаж. Сама Мать вьюг сидит на снежной вершине Казбека (по-чеченски и по-ингушки, Башлоам-корт). У нее постоянно горят три головни дерева и имеется вечный хлеб. Когда Дардза-нянильг съедает его часть, он сам собой восстанавливается; у нее имеется также вечно возобновляющаяся вареная ляжка барана⁶⁴. Дардза-нянильг является не простым горным духом (наподобие духов пещер, известных горцам), а настоящей богиней. Для ее умиловления с Девдоракском ущелье по реке Кабахи был устроен ингушами особый жертвенник - Даба. В жертву приносили туры и козы рога. Летом в честь богини устраивалось празднество. Все жители аула Гвелеты (выселившиеся и свое время из Кистинского общества ингуши) собирались к Даба и проводили время в плясках и песнях, приноси в жертву скот.

С. Висковатов со слов охотники ингуша Цогола рассказывает, что богиня

---

⁶¹ ССТО, вып. I, стр. 244.

⁶² С. Висковатов. С Казбека.—«Русский вестник», т. 60, СПб., 1865, стр. 411.

⁶³ Б. Далгат. Первобытная религии чеченцев, стр. 117 (в некоторых случаях указанную работу мы пополняем материалами из рукописного варианта исследования. Рукопись находится в личном архиве Б. Далгата).

⁶⁴ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев (рукопись), стр. 394.

начертала волшебный круг на снежном конусе Башлоам-корта и ни один смертный не осмеливается приблизиться к вершине этой священной горы, никто не смеет перешагнуть за этот круг, иначе злая богиня столкнет такого смельчака с кручи и набросит на него ледяные горы. Все горные завалы на Казбеке ингуши приписывают ей. Самой Дардза-нянильг никто не видел, но многие будто бы слышали ее петушиный крик, которым она пугает людей, дерзающих приблизиться к волшебному кругу⁶⁵.

«В лице Дярдза-нянильг,— шгшет Б. Далгат,— мы впервые встречаемся у чеченцев и ингушей с божеством по природе злым, враждебным человеку; но она не причиняет вреда человеку, приносящему ей жертву и угодному богу»⁶⁶.

По сведениям неизвестного автора статьи «Гулетовцы», опубликованной в газете «Кавказ» в 1894 г. (№ 151), поверье об этой богине гласит, что когда-то она была великим и добрым духом женского пола для всех живущих и была помощницей бога; но, воплотившись в сатану, она навлекла на себя божий гнев и была обречена на вечное проживание в снегах Башлоама. Бог, однако, не хотел лишать ее всей власти и дал ей в собственность окрестности этой горы со всеми живущими там птицами и зверями. Когда богиня рассердится, то насылает на людей и животных тучи бесовской силы, способные опрокинуть все горы, кроме самого Башлоама, глаза ее тогда мечут огненные стрелы, а голос гремит так, что от сотрясения и страха дрожат горы, сбрасывая с себя камни, снег и лед. Когда она сердита, то плачет, заполняя слезами ущелье. Охотники и горцы должны были приносить ей на Даба жертву.

Казбек являлся как бы центром мифологии ингушей. В ущельях возле горы имеются церкви и развалины, которые были одинаково почитаемы грузинами и ингушами. Особенно почитался монастырь на Казбеке. За злость людей, говорили гвелетцы, бог послал всемирный потоп; он оставил в живых лишь одного старца с семьей; они сели в ящик, и немедленно после этого пошел проливной дождь и затопил всю землю. Корабль их пристал к Башлоам-корту и исчез в волнах, оставил их на ледяной вершине, горы. Бог велел им есть лед. У старика родились семь сыновей, белых, как снег Башлоама, и ясных, как божий день. Они поселились в семи кельях монастыря на горе, и никто не мог к ним взобраться. Другие дети старика рассеялись после потопа по всей земле. Однажды семеро братьев пустили к себе охотника, и его немедленно убило молнией; гроза утихла, монастырь опустел, и на небе явилось полное созвездие семи братьев, которых бог взял на небо⁶⁷. Эта легенда, хотя и могла быть заимствована ингушами от грузин, которым сюжет о всемирном потопе стал известен с утверждением христианства в IV в. н. э., содержит детали повествования, вообще характерные для кавказской эпической традиции. К ним, например, относится упоминание о «семи братьях», часто встречаемое в эпосе, или мотив вскармливания человека льдом; в нартских сказаниях ингушей, балкарцев, карачаевцев, адыгов и других горцев распространен сюжет о юном богатыре, «грозном юноше» — Кинды Шоа у ингушей, Сауайе, сыне Кандза, у осетин, а также адыгское и балкаро-карачаевские сказания о Шауай. Он выращен в расщелине ледника и вместо молока матери вскормлен ледяными сосульками.

Б. Далгат пишет, что на Казбеке, как говорят ингуши, находится

⁶⁵ С. Вискозотов. Указ. соч., стр. 411.

⁶⁶ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев (рукопись), стр. 349—400.

⁶⁷ С. Висковатов. Указ. соч.

таинственная пещера, в которой лежит юноша, прикованный к скале за какое-то преступление. Он стонет от боли, потому что хищная птица клюет ему сердце. Не трудно догадаться, что это сказание относится к типу героического цикла о Кавказском Прометее — Амирани у грузин и осетин, Абрскиле у абхазцев, Рокапи у сванов, Насренжаке у адыгов.

В антропоморфных представлениях чеченцев и ингушей, запечатленных в их мифах и сказаниях, кроется истинная поэзия. Являлся ли чеченец или ингуш в пещеру ночевать, ему казалось, что он приходит и гости к «хозяину» (в смысле к «духу») пещеры. Духи пещеры свято соблюдают обычай гостеприимства и не дадут никому обидеть гостя, он может там спокойно отдыхать: за него бодрствуют хозяева. В журчащих горных ручейках обитает Химиханана, т. е. Мать вод⁶⁸ (от «хи» — вода, «мих» — ветер, «нана» — мать). Как то раз, сообщает Б. Далгат со слов сказителя Ганыжа, Химиханана погналась за нарт-орстхойцами, когда они возвращались с охоты, но одни из них в борьбе с ней успел ее осквернить, и Химиханана, как нечистая, не могла более преследовать их и возвратилась к себе в воду.

О существовании верования а Химиханана не только у ингушей, но и у остальных вайнахов мы впервые узнаем со слов П. Головинского. Этот водяной дух, говорит он, сочувствует людям и предупреждает их о бедствии. Являясь в общество, которое должно постигнуть несчастье, она горько плачет и тоскливо поет песни, похожие на причитания над умершими. Чеченцы рассказывают, что за четыре месяца до взятия русскими аула Цюрик-Юрт в 1851 г, Химиханана явилась в этот аул и предсказала его падение⁶⁹. Химиханана, однако, не возвысилась до божества, ей не поклонялись и не особенно ее боялись⁷⁰.

В горной Чечне, в Акинском обществе, у сел. Галанчодж, находятся небольшое озеро, способствовавшее возникновению представления о духе озера, которого чеченцы высоко чтили. Поэтический миф о возникновении озера Галанчодж был записан В. Миллером. В нем говорится, что близ аула Ялхорой, в месте, называемом Амка, было прежде озеро. Однажды мать с дочерью отправились на берег этого озера и по неразумию стали мыть грязные пеленки в его хрустальной воде. Дух озера обратил обеих женщин за осквернение в камни, которые и теперь еще виднеются у Амка. Но и озеро не хотело оставаться в оскверненном ложе. Оно обратилось в чудного рослого быка⁷¹, который перешел скалистый кряж, оставив след в виде громадной выемки, и спустился вниз почти с отвесной высоты. Затем бык подошел к тому месту, где теперь лежит озеро и где прежде были расположены пахотные участки. Одни жители хотели впрячь быка для работы, другие говорили, что это божий бык, и противились этому, но в копне концов его впрягли. Когда он вел первую борозду, в ней выступила грязь; при втором — стало еще мокрее; при третьей — из земли выступила вода; при четвертой бороздке вода хлынула стремительно, затопила поле и всех людей. Бык исчез в волнах озера. С тех пор появившееся внезапно озеро долго внушало людям суеверный страх; многие считают его бездонным и не пьют его воду. Миф этот не только

⁶⁸ У абхазцев известна Дзыз-лан, покровительница вод, которой молились исключительно один женщины. См.: «Религиозные верования абхазцев». — ССКГ, вып. V. 1871, стр. 11.

⁶⁹ ССТО, вып. I, стр. 254.

⁷⁰ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев (рукопись), стр. 400.

⁷¹ Характерно, что бык огромной величины фигурирует и в нартских сказаниях. У вайнахов выделялся вторник — «шинар» (от слова «шить» — «два»), т. е. «день двухлетних телок»; в этот день быков нельзя былопрягать для работы.

объясняет происхождение озера, но со держит и определенные нравственные понятия, которых люди должны придерживаться,—иначе они понесут тяжелую кару.

По поверьям людей в прошлом, в лесах обитали лесные люди — хьун-нах и алмасы. Про них раньше пели:

Как алмасы думают с лесами,
Как утки думают с Тереком,
Так ты думаешь о своем сердце⁷².

Лесные поли бывают мужского и женского пола. Мужчины покрыты волосами, страшного вида, свирепы и коварны; на груди у них находится острый топор, лесных женщин-алмасов ингуши представляли созданиями, отличающимися необыкновенной красотой; роскошные волосы их доходят до самых пяток и имеют золотисто-серебристый цвет⁷³. Но по характеру они так же злы, коварны как и лесные мужчины. Они ненавидят людей и проклинают их род при встрече с ними.

Чеченцы Шатоевского общества представляли лесных женщин страшными созданиями огромного роста с огромными грудями, перекинутыми через плечи на спину⁷⁴, и с длиною, до земли густою рыжею косой. Любимое их занятие — пляска: закинув груди на спину, подняв руки вверх, они пляшут при лунном свете⁷⁵. О пляске как любимом их занятии сообщал Б. К. Далгату и сказитель Газбык. По его словам, алмасы выходят навстречу человеку и белой одежде и просят потанцевать с ними. Одни ингуш отказался, алмас сказала: «Пусть три дня он будет немой» — и он онемел па самом деле⁷⁶.

По сведениям У. Лаудаева, плоскостные чеченцы рассказывали, что алмас— это существо женского пола, являющееся людям в человеческом образе на кладбищах, по вечерам в глухих местах аула, леса, на дорогах. Существо это полуплоть, полудух. Алмасы предвещают смерть человека заунывным пением, произнося часто ими жертвы и издавая при этом стоны⁷⁷.

В вайнахском фольклоре зафиксировано немало рассказов об алмасах. Многие из них, несмотря на свою мифологическую основу, вполне могут считаться эпическими, как, например, рассказ об охотнике и Алмасе⁷⁸. В нем один из главных персонажей по имени Я-сам-себя имеет аналогию в «Одиссее» (песнь IX), где идет речь о том, как Полифем встречается с героем, ловко обманувшим его и назвавшимся Никто.

В другом рассказе — «Алмас и Чина Борган»⁷⁹ —очень наглядно видна антропоморфизация духов природы, вера в которых держалась на убеждении суверенных люден, что они видели

---

⁷² Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев (рукопись), стр. 188.

⁷³ ССКГ, вып. IV, 1870, стр. 11.

⁷⁴ Любопытно, что, по сообщению С. Урусбиева, в балкарских сказаниях великанша— эмегена тоже изображена в виде женщины громадной величины, с откинутыми назад через плечо персями, которая зачинала трещины земли (СМОМПК, вып. I, 1881, стр. 3).

⁷⁵ ССТО, вып. I, стр. 254.

⁷⁶ Б. Далгат. Первобытная религия чеченцев (рукопись), стр. 190.

⁷⁷ У. Лаудаев. Указ. соч., стр. 53.

⁷⁸ Текст см. в настоящей книге на стр. 264.

⁷⁹ Там же, стр. 263.